

ANDRÉ
ACIMAN

*The
Gentleman
from Peru*

АНДРЕ
АСИМАН

Джентльмен
из Перу

*Перевела с английского
Александра Глебовская*

POPCORN BOOKS
Москва

УДК 821.111
ББК 94.4(7Сое)
А90

THE GENTLEMAN FROM PERU

by André Aciman

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Переводчик выражает благодарность Валерии Жириковой и Ольге Черниковой за помощь со сверкой вариантов текста

Асиман, Андре.

А90 Джентльмен из Перу / Андре Асиман ; пер. с англ. А. Глебовской. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2026. — 128 с.

ISBN 978-5-04-227094-9

Юг Италии, лето на Амальфитанском побережье. Из-за поломки яхты группа американцев вынуждена остановиться в отеле с пожилыми туристами. Там они встречают загадочного Рауля, который начинает раскрывать личные тайны каждого — такие, о которых никто не мог знать.

Рауль завоевывает доверие рассказами о мифических местах побережья, полных легенд о страсти и утрате. Все поддаются его обаянию, кроме Марго, которую он с самого начала назвал ее «настоящим» именем — Марья.

Но прогулки и долгие разговоры сближают их, и Рауль открывает Марго путь в прошлое, где скрыты нити, связывающие их судьбы.

УДК 821.111
ББК 94.4(7Сое)

Copyright © 2024 by André Aciman
Cover photo La Scogliera Positano 2023
All rights reserved

© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

«Издательство «Эксмо», 2025. Popcorn Books®

ISBN 978-5-04-227094-9

ГЛАВА 1

— Вдруг это поможет, — произнес незнакомец. Подошел к их столику, дотронулся до плеча Марка. — Вдохните поглубже и сосчитайте до пяти.

Он появлялся здесь уже три дня подряд, сидел напротив за угловым столом в обеденной зоне у гостиничного бассейна. Он никогда ни с кем не общался, разве что перебрасывался парой любезностей с рослым белокурым официантом, а так держался тихо и отстраненно.

За столом он неизменно сидел в одиночестве, тем не менее никогда не приносил с собой ничего почитать — только записную книжку в зеленом кожаном переплете, которая неизменно лежала перед ним корешком вверх, напоми-

ная крошечную палатку, малюсенькую черную авторучку без клипсы и очки, которые бросал на столешницу, совершенно не заботясь, как именно они приземлятся на скатерть, будто еще не смирившись с тем, что они ему нужны. Лет ему можно было дать шестьдесят с небольшим, щеголеватый, худощавый, подвижный, в тщательно отглаженном двубортном темно-синем летнем пиджаке, льняной сорочке и серебристо-сером галстуке, с многоцветным носовым платком в нагрудном кармане.

Они несколько раз замечали его в лобби и на длинной террасе и начали было гадать, что это за птица, решили, видимо, что это очередной типичный итальянец предпенсионного возраста и неплохого достатка — такие выбирают спа в горах или морской курорт, проводят там отпуск, общаются понемногу, по вечерам играют в бридж и неделю другую отдыхают от жен, любовниц и внуков. Вот только этот джентльмен не общался, не играл в бридж, не ходил на воды, не брал грязевые ванны и в отличие от прочих постояльцев постоянно просил официантов сделать потише и так приглушенную музыку Вивальди, которую ставили в обеденной зоне у бассейна. Однажды, направляясь к своему обычному столу, он бросил взгляд в их сторону и даже почти незаметно кивнул, поравнявшись, — но при этом не проронил ни слова. Они на приветствие не ответили. Его старосветская любезность показалась им слишком холодной и формальной, и они просто не придумали, что сказать в ответ. Лишь скользнули бессмысленно-озадаченным взглядом по его фигуре, проигнорировав невнят-

ное приветствие и перечеркнув возможность какого бы то ни было продолжения.

— Говорю тебе, он давно на нас пялится, — заметил один из них.

— Чудно, — согласился второй.

Стол их был одним из самых больших и оживленных в обеденной зоне и занимал изрядный кусок места возле балюстрады с видом на пляж и пристань. После первых их нескольких появлений официанты наспех составили вместе три стола и застелили их длинной скатертью. Когда они, закончив трапезу, уходили, официанты снимали и сминали длинную скатерть и снова ставили столы отдельно. В конце концов, уяснив, что эта компания каждый день завтракает и ужинает только здесь, официанты решили оставить столы составленными до конца их пребывания в отеле. Они были здесь не единственными американцами, однако самыми молодыми и шумными. Когда вечером к их столу подходили двое гитаристов, женщины из компании расплывались в улыбках, поворачивались к музыкантам лицом и с громким смехом пытались подпевать. Все прочие постояльцы говорили тише, ели неспешней, пили куда меньше. Молодые американцы дольше всех засиживались по вечерам, и, когда они заказывали десерт, остальные столики уже успевали накрыть к завтраку.

После ужина большинство пожилых постояльцев предпочитали либо отдохнуть в общем зале неподалеку от лобби, либо поиграть в бридж в карточной гостиной. Для них для всех этот курорт был не тем местом, куда приезжаешь на пару дней: в отеле они проводили недели по три, редко

покидая его пределы и общаясь только с другими постояльцами, приезжавшими сюда годами, а то и десятилетиями, изредка выбираясь на экскурсии по окрестностям, чтобы успеть вернуться, немного поплавать, выпить легкий коктейль и съесть изумительный ужин. Шеф-повар — об этом сотрудники постоянно напоминали молодым Signori Americani* — был мировой знаменитостью, автором трех кулинарных бестселлеров. После ужина самые пожилые постояльцы прихлебывали минералку и ромашковый чай на веранде или, убоившись сквозняков, уходили в чайный салон. Этих молодые американцы прозвали «вязальщиками», потому что две самые пожилые дамы часто появлялись со спицами, мужчины же, которые попозже с удовольствием удалялись на патио, дабы обсудить прискорбное состояние дел в итальянской политике, рассаживались по трое-четверо, а слегка замерзнув, отправлялись на боковую. После ужина молодые американцы любили набиться в небольшой бар, где, надо сказать, выбор джина и односолодового виски был получше, чем в большинстве дорогих баров в Англии.

— Интересно, а дамы играют в джин-рамми после дневного сна? — поинтересовалась Марго, одна из американок. Она работала в художественной галерее и редко отказывала себе в удовольствии походя поиздеваться над незнакомыми людьми.

Все засмеялись.

* Синьоры американцы (*итал.*).

— Наверняка. А знаешь ли ты, что происходит с их мужьями? — откликнулся Оскар, чилиец, закончивший американский университет и наделенный дикорастущим чувством юмора. Он выждал — не рискнет ли кто-то придумать ответ — и, увидев, что ждать бесполезно, предложил вспомнить старый анекдот о том, почему мужья всегда умирают первыми.

— Почему-почему они умирают первыми? — переспросила Марго. Чтобы Оскара подразнить, она сорвала у него с головы морскую фуражку и нахлобучила на себя.

— Потому что уж проще умереть, — ответил Оскар.

Все снова прыснули. Марго взгляделась в двух пожилых дам, уже некоторое время обсуждавших вязальные узоры, и улыбнулась им смутной отрешенной улыбкой.

— Пообещайте меня пристрелить, если в восемьдесят лет я докачусь до того, что буду вязать в отеле, попивая перестоявший ромашковый чай.

С этими словами она вернула Оскару его фуражку, но, чтобы еще раз его подразнить, надела ее на него козырьком влево. Оскар поправил головной убор, однако Марго умудрилась вывернуть козырек вправо, на сей раз вправо.

— Старики слишком долго живут, — обронила она, отпуская фуражку.

Две пенсионерки даже не подозревали, что являются предметом такого неумного веселья, и, поймав на себе улыбки молодых американцев, сдержанно им кивнули — это можно было принять за молчаливое приветствие.

— Просыпаются, — заметила Марго. — Не будите стареньких уточек.

— Какая ты злюка, — произнес Марк, представлявший в этой компании голос разума.

Марго чуть смутилась, примолкла, а потом пронзила его взглядом и проговорила:

— Знаю.

Затем, видя, что ей не отвечают, прибавила:

— Я просто подумала про свою бабушку. Ей повезло: она умерла во сне. Не хочу я этой доуки — стареть.

— И все равно не стоит такого говорить, — заметил Марк. — Я несколько недель назад потерял бабушку, которую очень любил. — В одежде Марка всегда, даже вне корта, присутствовал хотя бы один теннисный атрибут. Он недавно получил травму и постоянно потирал плечо.

При этом загадочный хорошо одетый джентльмен резко отличался от всех прочих обитателей отеля и явно не нуждался ни в каком обществе, кроме своего собственного. Пол, работавший в Вашингтоне в команде одного конгрессмена, столкнулся с ним в просторном гостиничном лобби и, сам не зная почему, поприветствовал ни к чему не обязывающей улыбкой, которую не успел вовремя спрятать. Джентльмен слегка кивнул, однако не улыбнулся в ответ.

— Он нас терпеть не может, — сообщил Марк.

— А может, он какой-нибудь там наемный убийца, проживающий денежки со своего швейцарского счета, — предположила Марго.

— Не, наемный убийца на последнем задании.

— А кого он убивать собирается?

— Может, кого-то из нас, — предположил Пол.

— А по-моему, он художник, — вставила Ангелика, которая неизменно приходила в ресторан в купальнике и прозрачном парео.

— Может быть.

— Какой-то он слишком старомодный для художника.

— У меня прямо мурашки по коже, — созналась Марго.

После завтрака джентльмен удалялся так же незаметно, как и приходил.

— С заказчиком небось встречается.

— С Моссадом.

— Почему с Моссадом?

— Просто он еврей с виду, да еще и слишком лощеный — рожденные в богатстве такими не бывают. В нем есть что-то скользкое.

— Какая ты злюка, Марго.

После ужина джентльмен любил посидеть в одиночестве на веранде, выкурить сигарету, иногда две.

На третий вечер они поймали его на совсем уж невероятной причуде. Он вернулся к себе, переоделся в плавки, спустился к пляжу и поплыл один в темноту. Американцы не видели, чтобы он снова поднялся по лестнице.

— Прямо так и вижу заголовок: «Наемный убийца покончил жизнь самоубийством».

— Да хватит уже.

— Интересно, что он за птица.

Сошлись на том, что для всех незнакомец — полнейшая загадка. С другой стороны, они постоянно отвлекались

и не успевали толком подумать про незнакомца. В мыслях были только удобный отель и соседний пляж. Днем им нравилось плавать и кататься на лодке: они подолгу сидели за завтраком, обедом и ужином, а вечером, выпив в гостиничном баре, отправлялись в горы, повеселиться в одном из многочисленных ночных клубов.

В первый момент ни один из них не сумел сообразить, почему он наконец подошел к их столу и почему обратился именно к Марку. Никто и не успел придумать никакого объяснения, а он уже положил ладонь Марку на правое плечо и при этом не извинился за назойливость, не попросил разрешения, не усомнился ни на секунду в правомерности своего навязчивого жеста. Лишь произнес несколько слов, с плавной легкостью и авторитетом человека, поступающего так далеко не в первый раз.

— Вдруг это поможет, — сказал он.

Все, опешив, вытаращились на незнакомца, выглядевшего сущим карликом рядом с могучим атлетом, он же добавил:

— Нет, не двигайтесь, подождите несколько секунд. — Он тут же начал отсчет: — Пять, четыре, три, два, один. — После чего неспешно отнял руку. — Надеюсь, что боль прошла.

Марк, который мучился болями с тех пор, как травмировал на корте плечо, так изумился явлению седобородого незнакомца в темно-синем пиджаке, что совершенно не понимал, как реагировать, чем отвечать. Но — через несколько минут:

— Поверить не могу, — произнес он, вставая. Все думали, он сейчас оттолкнет наглеца, заедет ему кулаком в лицо. А он вместо этого потянулся левой рукой к правому плечу и принялся его медленно ощупывать, будто пытаюсь понять, прошла ли боль вовсе или только сместилась куда-то. — Я не чувствую боли, отпустило, — повторил он ошарашенно. Он продолжал изгибаться, будто проверяя, не болят ли шея, спина, затылок, будто пытаюсь понять, как боль, истязавшая его много дней, за несколько секунд отступила лишь потому, что какой-то незнакомец в темно-синем спортивном пиджаке с непозволительной вольностью положил ладонь ему на плечо и отсчитал секунды. — А куда ушла боль? — обратился он к друзьям, похоже, ожидая, что они знают что-то, чего не знает он. Вид у него был по-прежнему ошарашенный, он оглядывался и оборачивался, словно у него в качестве розыгрыша вытянули бумажник и того и гляди перебросят другому гостю. В какой-то момент даже показалось, что он просит своего избавителя вернуть боль на ее законное место.

Боли, однако, не было.

— Боль как верткая рептилия, — произнес незнакомец. — Приходит по собственной воле, живет в теле, сколько ей вздумается, порой до самого конца, но если повезет — улепетывает не попрощавшись.

В первый момент Марк решил было, что незнакомец надумал показать дурацкий фокус, а его без спросу использовал в качестве реквизита. Фокусник делает вид, что угадал выбранную вами карту, но вы-то знаете, что это надувательство. Он распиливает женщину надвое, но вы уже сто